

П. Н. Лукницкий

Предисловие редактора

Весной 2019 г. в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан Фархода Рахимова, куда меня пригласил Нуриддин Каюмов, академик Академии наук Республики Таджикистан, зашел, в частности, разговор о Таджикско-Памирской экспедиции 1932 г.

Единодушным было мнение собеседников привлечь внимание научной общественности, и не только, к истории этого глобального, в масштабах того времени, проекта научного и хозяйственного освоения неизведанной ранее части евразийского континента. А ведь тогда шла лишь вторая пятилетка организации планового народного хозяйства Советского Союза. Много поучительного можно было бы взять сегодня для осуществления более масштабного проекта «Большая Евразия».

Так, за непродолжительным разговором были высказаны предложения провести ряд научных конференций, выпустить серию публикаций, радио- и телепередач. Фарход оживился и вспомнил о том, что у него сохранились кинодокументы довоенной хроники о деятельности экспедиции. На том и порешили: будем думать и предпринимать какие-то действия. По возвращении в Санкт-Петербург я провел ряд бесед в нескольких аудиториях, но встречного энтузиазма не заметил. И вот недавно, «путешествуя по интернету», наткнулся на книгу П. Н. Лукницкого — очевидца и, я сказал бы, летописца памирских экспедиций начиная с 1930 г. Страсть к ежедневным дневниковым записям, журналистским очеркам и литературным произведениям была ему присуща еще со студенческой скамьи. Передвигаясь по горным тропам Памира, он успевал делать короткие заметки, даже вступив в боестолкновение с басмачами. Будучи военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах в Великую Отечественную войну, Лукницкий создал хронику повседневного героизма советских людей (нередко он сам это подчеркивал) в трехтомной эпопее «Ленинград действует». В послевоенный период, по-прежнему находясь в частых экспедициях, он публикует новые литературные произведения, с одним из которых мы решили познакомить читателей нашего журнала. Пусть это будет один из первых шагов в реализации той идеи, которая родилась на встрече в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан.

Ниже публикуется выдержка из опубликованной в 1955 г. книги Лукницкого «Путешествия по Памиру», но прежде — несколько слов об авторе.

Павел Николаевич Лукницкий (12.10.1900–23.06.1973) — известный русский советский поэт, прозаик. После окончания факультета общественных наук Ленинградского государственного университета в 1925 г. он занимался литературной деятельностью, в 1927 г. издал первый сборник своих стихов, но основное внимание в те годы он посвятил, во многом благодаря поддержке Анны Ахматовой, исследованию творчества Николая Гумилева. Книга Павла Лукницкого «Труды и дни Н. С. Гумилева», началом написания которой явилась его студенческая курсовая работа под тем же названием, была издана в Санкт-Петербурге лишь в 2010 г. В повести «У подножия смерти» он описывал, как телефонный звонок в марте 1930 г. открыл новую страницу в его жизни:

«— С вами говорит начальник памирской геологоразведочной партии Юдин. Вы поехали бы на Памир? — Я, конечно, не раздумывал ни минуты».

Так, по-житейски просто, начиналась памирская эпопея для одного из великого множества советских ученых, инженеров, строителей. Вашему вниманию предлагается живое описание Таджикско-Памирской экспедиции, которая в череде предшествующих экспедиций ознакомительного порядка положила начало масштабным исследованиям и освоению необъятных просторов нашей страны.

Игорь Кефели

Павел Николаевич Лукницкий

*Породы Памира с породой поэтов
Еще не роднились. Но я не о том!
Замысловатей любого сюжета
Был путь мой развернут кашгарским конем.*
Павел Николаевич Лукницкий. Испытание

Прежде чем приступить к описанию двух моих первых памирских путешествий, в которых было много событий, необычных и неожиданных, я расскажу о том, как была организована ТКЭ.

Эта глава даст читателю возможность дальше, на всем протяжении книги сравнивать масштабы научно-исследовательской работы на Памире, проводившейся в 1930 и 1931 годах, с масштабами работы 1932-го и последующих лет.

Первые решения

ТКЭ — так называлась Таджикская комплексная экспедиция 1932 года. В следующие, 1933–1937 годы эта экспедиция продолжала работу под названием ТПЭ — Таджикско-Памирской экспедиции. История организации экспедиции такого небывалого, возможного только в Советской стране масштаба стоит того, чтобы о ней рассказать.

Весной 1936 года в Москве праздновался юбилей пятилетия со дня начала организации этой экспедиции. В Доме ученых собралось около тысячи человек, каждый из которых так или иначе принимал участие в экспедиции. Выставка, посвященная итогам пятилетних работ, рассказывала посетителям о сотнях открытых и изученных месторождений полезных ископаемых, о разгаданных белых пятнах, замененных на географических картах линиями горизонталей рельефа, сеткой речных систем, треугольничками высочайших пиков, названиями кишлаков и ущелий; выставка рассказывала об особенностях климата, о ледниках Памира, о деятельности созданных экспедицией в самых труднодоступных углах страны обсерваторий, метеорологических пунктов, биологических стационаров — обо всем, что было сделано руками тех, кто в этот вечер присутствовал в Доме ученых.

В залах были выставлены сотни книг, составлявших труды экспедиции. Тысячи фотографий и рисунков изображали рудники, шахты, заводы, фабрики, комбинаты, созданные на открытых и изученных экспедицией месторождениях; оазисы, белеющие тонковолокнистыми, невиданными прежде в СССР сортами хлопчатника, там, где почвы, грунтовые воды, энергетические ресурсы горных рек и возможности ирригации были исследованы экспедицией; тропические станции, больницы, новые поселки, построенные по плану, подсказанному экспедицией. И много, много другого, что явилось следствием огромной работы десятков, даже сотен экспедиционных отрядов и групп.

— Я восхищен вполне энергией и энтузиазмом молодых деятелей науки, — говорил, аплодируя собранию, президент Академии наук, белоглавый, но всегда жизнерадостный академик А. П. Карпинский. — Вам, мои друзья, есть что вспомнить сегодня...

Слушая академика Карпинского, я размышлял о том, почему иные экспедиции бывали неудачными, умирали в зародыше, не приносили народу никакой пользы, а эта Таджикско-Памирская экс-

педия сделала так много для развития народного хозяйства и культуры Таджикистана и даже всей Средней Азии.

Конечно, первой, главной причиной успеха работ экспедиции было повсеместное и непрестанное содействие, оказанное ей всем населением республики, хорошо подготовленным партийными и комсомольскими организациями. Но, кроме этой и многих других причин успеха всякой научно-исследовательской экспедиции, есть и еще одна — первостепенная, хотя о ней редко вспоминают. Я имею в виду хорошую организованность экспедиции.

От того, как организована экспедиция, зависит успех или неуспех всей ее полевой работы. До революции в нашей стране (а в капиталистических странах и по сию пору) люди, отправляющиеся в экспедицию, чаще всего не умели (или не могли) снарядить экспедицию так, чтобы в будущем ни в чем не терпеть недостатка; не разрабатывали плана работ до мельчайших подробностей, не координировали работу ученых различных специальностей между собой так, чтобы каждый из них помог друг другу; в экспедицию часто попадали случайные люди — недостаточно опытные, выверенные, бескорыстные, не воспитано было в людях чувство локтя, чувство товарищества.

Именно поэтому погибали многие полярные путешественники. Именно поэтому столько экспедиций на величайшую вершину мира Чомолунгму (Эверест) оказались неудачными. Карьеризм, корыстолюбие и тщеславие были единственным стимулом некоторых авантюристов, отправлявшихся в неисследованные области.

Таджикско-Памирская экспедиция была советской. Преобладающее большинство ее участников были людьми опытными, волевыми, воспитанными в советских традициях, глубоко бескорыстными, влюбленными в свое дело. Конечно, в экспедиции этой, состоявшей из сотен научных работников, попадались и люди другого порядка, но сама жизнь отметала их очень быстро, они в экспедиции не удерживались, им нечего было в ней делать.

Как же создавалась Таджикско-Памирская экспедиция? Но прежде чем рассказать об этом, скажу несколько слов о том, зачем она была создана. Железные и шоссейные дороги, гидростанции; хлопкоочистительные заводы, машинно-тракторные станции, сотни школ, ирригационные сооружения — громадное строительство развернулось в Таджикистане на территории, где за несколько лет перед тем жители отдавали своих девушек в рабство, в виде налога; где басмачи зверски пытали и убивали всех, кто вступал в борьбу за свободу; где в горных ущельях люди не представляли себе, как выглядит колесо. Быстрые темпы строительства требовали прежде всего таких же темпов изучения естественных ресурсов страны. Изучение страны было затруднено отсутствием простейших географических знаний, белыми пятнами на картах республики. Вся сумма научных знаний об этой республике сводилась, в сущности, к разрозненным и чаще всего поверхностным маршрутным описаниям случайных путешественников. По ним можно было судить только, что Таджикистан может стать богатейшей во всех отношениях страной, что он как будто бы обладает огромными естественными ресурсами. Степень изученности Таджикистана отставала от насущных потребностей строительства, страна не знала по-настоящему своей экономики, страна хотела строить новые гидростанции — и не знала, где их поставить; страна строила новые шоссейные дороги — и не знала, через какой перевал выгоднее и разумнее их проложить; страна хотела удвоить, утроить свои хлопковые площади и площади своих абрикосовых садов, но не знала, где могут оказаться летние заморозки, угрожающие посевам, и откуда могут хлынуть сели — грязекаменные потоки; страна хотела строить фабрики и заводы, шахты и комбинаты, но не знала промышленной ценности известных с древности месторождений полезных ископаемых и не представляла, где и какие новые месторождения могут и должны быть открыты...

Страна приступала к составлению второго пятилетнего плана — не знала, где развернуть сельское хозяйство, как расставить на своей территории фабрики и заводы, чтоб они оказались более эффективными, чтоб они принесли максимум пользы.

Как же получилось, что работавшие до тех пор экспедиции не обеспечили стране этих необходимых ей сведений? Дело, очевидно, заключалось в устаревших методах их работы. Экспедиции, посылавшиеся разными учреждениями, были никак не связаны между собой: ни организационно, ни в отношении программы их работы.

Они выезжали из Москвы, из Ленинграда, из Ташкента (в Сталинабаде¹ своего научного центра тогда еще не было), каждая имела свои задания, каждая работала самостоятельно и в той области науки, к какой принадлежали осуществлявшие экспедицию специалисты.

¹ Сталинабад — так с 1929 по 1961 гг. называлась столица Таджикской Советской Социалистической Республики, в 1961 г. городу было возвращено первоначальное название — Душанбе. — Прим. ред.

Взаимной консультации не было вовсе или она бывала недостаточной. Часть добытых материалов «консервировалась» и фактически пропадала. Чтобы восстановить их, требовались лишние средства, лишние работники, время, усилия.

В период басмачества разные экспедиционные партии оказывались часто без взаимной связи, без должной охраны, без сведений о том, что ждет их в пути, и даже иногда без оружия. В обеспечении экспедиций продовольствием и снаряжением не было никакой системы. Задания, получаемые научными работниками, бывали случайными.

Мысль о необходимости новых форм и методов научно-исследовательской работы давно уже зрела в умах наиболее активных и передовых ученых, обсуждалась и в Академии наук, и в других научных учреждениях, и в крупных хозяйственных организациях республик и центра.

В частности, говоря о Таджикистане, можно было опереться на первый удачный опыт организации Академией наук СССР Памирской экспедиции 1928 года¹. Она была сравнительно небольшой, но, организованная на новых началах, на началах комплексности, дала очень хорошие результаты.

И вот в 1931 году ищущая мысль ученых привела к убеждению: для быстрого, всестороннего, целеустремленного изучения естественных ресурсов Таджикистана (половину территории которого составляет Памир) необходимо немедленно приступить к созданию такой экспедиции, в которой приняли бы участие научные работники по всем научным специальностям, требуемым поставленной задачей, — к созданию экспедиции, основой которой был бы единый научный план и которая осуществлялась бы под единым руководством и в научном, и в организационном, и в хозяйственном отношениях.

Такая экспедиция должна была быть комплексной. Организация такой экспедиции требовала большого внимания к себе со стороны правительственных, научных и хозяйственных учреждений, требовала больших средств, опытных и энергичных, коммунистически мыслящих и умеющих работать сотрудников. В работах такой экспедиции должны были быть заинтересованы самые широкие народные массы Таджикистана, ибо для полного успеха ее работ важно было содействие каждого дехканина, каждого жителя отдаленных и заброшенных в дикие горы селений.

Такая экспедиция могла быть создана только в Советском Союзе. Она должна была быть во всех отношениях советской. 22 ноября 1931 года в научно-исследовательском совете ВСНХ СССР состоялось Совещание по вопросу «об организации в 1932 году комплексной экспедиции в Таджикистан и на Памир». Идею комплексности выдвинули и убежденно поддерживали передовые ученые нашей страны, в числе которых назову прежде всего академиком И. М. Губкина и А. Е. Ферсмана. На совещании присутствовали представители ВСНХ, Главного управления цветных металлов, Всесоюзного объединения редких элементов, Цветметзолота, Энергоцентра, Полярного комитета, Азугля, Института прикладной минералогии и других существовавших в то время в нашей стране учреждений. Конечно, присутствовали и представители правительств Таджикистана и Киргизии.

Первый период

В Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР была создана специальная Таджикская секция. В состав секции вошли шесть академиков и тринадцать профессоров. Экспедицию возглавил научный совет под председательством академика А. Е. Ферсмана. Начальником экспедиции был назначен Н. П. Горбунов. В состав руководства вошли виднейшие ученые нашей страны: геохимик Д. И. Щербаков, геолог Д. В. Наливкин, паразитолог Е. Н. Павловский, ботаник Б. А. Федченко, геологи Б. Н. Наследов, В. А. Николаев, А. П. Марковский и другие. 27 декабря 1931 года состоялся пленум Совета по изучению производительных сил. Были обсуждены научные планы, формы организации и методы работы экспедиции, разделенной на отряды, охватывавшие самые различные научные специальности.

В числе многих десятков экспедиционных отрядов, которые предстояло создать, были геологические, геохимические, метеорологические, гидроэнергетические, гравиметрические, гляциологические, геодезические, астрономические, магнитные, сейсмологические, ботанические, этнографические, зоологические, паразитологические, экономические...

¹ Памирская (Алайско-Памирская) экспедиция 1928 г. была инициирована немецким ученым, исследователем гор Кавказа и Памира, профессором Венского университета Вильямом Рикмер-Рикмерсом, который на торжественном заседании в честь 200-летнего юбилея Российской Академии наук (1924 г.) предложил провести совместную советско-германскую экспедицию для исследования Памира. В состав экспедиции были привлечены научные силы молодой Советской республики, географы и картографы Германии (первоочередными задачами экспедиции являлись составление географических и фотограмметрических карт, геологические и ботанические исследования), а также известные альпинисты. С экспедиции 1928 г., превратившейся постепенно в Таджикскую комплексную, а затем в Таджикско-Памирскую экспедицию, началось комплексное изучение производительных сил региона и развитие тяжелой промышленности Таджикистана. — Прим. ред.

Автору этих строк — ученому секретарю экспедиции — поручена была организационная работа, которая к этому времени уже началась. Надо было определить все основные объекты работ, определить их районы, составить программы, сметы, установить маршруты, исходные пункты, привлечь лучших специалистов, координировать их работу, обеспечить всем необходимую консультацию, добыть средства, заготовить продовольствие, снаряжение, инструменты и приборы, материалы, реактивы, карты. Решение отказаться от импорта обязывало поставить на наших фабриках и заводах производство тех предметов, какие до того времени выписывались из-за границы. Надо было наладить транспорт, базы снабжения, охрану, медицинскую помощь. Надо было заинтересовать работами экспедиции местное население, разъяснить тысячам колхозников Таджикистана, горцам самых отдаленных ущелий Памира цели и задачи экспедиции.

Академия наук тогда еще была в Ленинграде, а большинство руководителей экспедиции жило в Москве. Когда мы приступали к работе, у нас не было ни рубля государственных денег, ни сотрудников, ни места, где мы могли бы работать, кроме своих жилищ. В этот «утробный» период организации экспедиции, что было у нас, кроме огромного желания осуществить задуманное предприятие? Моя маленькая ленинградская комната временами напоминала переполненный пассажирами трамвай, в котором к тому же разрешалось курить. Все было так зыбко и проблематично, все так еще не перешло из будущего в настоящее, что только очень убежденный человек мог верить в осуществление идеи этого предприятия. Не скрою, в этот период находились неверующие. Один из научных работников однажды в ответ на мои приставания осадил меня:

— Ну вас, только морочите голову, таскаете меня по заседаниям. Дергают, сулят с три короба, а потом и десятой доли не выйдут... Да неужели вы думаете, что моя научная специальность действительно найдет у вас применение? Буду ходить на ваши заседания — только время зря потеряю!..

Через месяц этот самый — почтенного возраста — ученый, запыхавшись, бегал из учреждения в учреждение, шумно теребил молодых, вдохновлял их своей восторженностью и торопился как можно скорее выехать к месту работ. «Утробный» период организации кончился очень скоро. Завелись первые деньги. Нашлось помещение: Совет по изучению производительных сил выделил для экспедиции комнату в просторном, но переполненном здании бывшей Фондовой биржи, на берегу Невы.

Начали появляться первые люди, между которыми можно было разделить организационную работу. В Москве, например, — начальник снабжения. Это был низкорослый, всегда суетящийся человек с быстрыми жестами, невозмутимый только в подтверждении своих обещаний достать то, что, казалось, явно он не достанет. Мы прозвали его «Плавунец», потому что своей суетливостью он действительно напоминал жука-плавунца. Он очень любил командовать и распоряжаться, а командовать и распоряжаться было некем, все приходилось делать ему самому. Он злился и бегал и все делал сам. Он был хорошим «добытчиком», но совершенно не умел планировать и вносил страшный беспорядок в дела. Впоследствии Плавунцу пришлось покинуть экспедицию, как покинули ее еще до отъезда в «поле» и некоторые другие сотрудники, не умевшие достаточно хорошо справляться со своим делом. В Москве и в Ленинграде у нас уже были первые машинистки, которые, возгораясь энтузиазмом, прощали нам бескорыстное наше стремление заваливать их работой. Первый представитель финансовой части, в задачи которого входило странствование по учреждениям для добывания обещанных денег, обладал даром убедительного красноречия и, страшно жестикулируя ладонями перед собственным лицом, талантливо склонял любого скупца к выполнению взятых им на себя обязательств. Технический секретарь, гражданка солидных лет, тщетно силилась проникнуть в премудрость самых замысловатых геологических и гравиметрических терминов, чуть не плакала, звоня мне по телефону и требуя разъяснений, и очень старалась жить в бешеном темпе организационных работ. Бухгалтеры Совета по изучению производительных сил ожесточились на нас необычайно: мы нарушали спокойную атмосферу их существования, мы негодовали, когда бумага тащилась, как ломовая телега, по созданным ими бесчисленным инстанциям; нам требовалась быстрота голубиной почты, мы беззастенчиво ломали ветхие, на наш взгляд, формы делопроизводства, мы упрощали их до крайности. Мы неустанно тормозили ученых и научных работников, которые по своей ли вине или по причине загруженности прочей научной работой мешкали или слишком «медленно торопились». И постепенно в наш лагерь «воинствующих организаторов» переходили все новые и новые люди.

В московском научном штабе

Шла зима. В Ленинграде появился энергичный работник — Ольга Александровна Крауш, которая раньше работала у А. Е. Ферсмана. Заняв должность второго секретаря экспедиции, она с первого же дня вошла в самую сердцевину дела и повела его с умом и тактом. Такт был необходим потому, что в процессе организации иногда возникали мелкие конфликты между научными работниками — из-за

личных ли отношений, из чувства ли неверно понятого самолюбия, или еще по каким-либо неясным для нас причинам. Тот хотел ехать начальником отряда, а его утверждали помощником; этот интересовался одним районом, а его посылали в другой, практически гораздо более важный; другой хотел иметь в караване своего отряда двенадцать лошадей, а ему предоставляли только одиннадцать; четвертый обижался, что, выдав ему на руки сметные деньги на полевые работы, мы попридержали, опасаясь перерасхода, деньги, полагавшиеся на камеральную обработку будущих коллекций; пятый...

Но ведь не перечислить всех мелочных вопросов, для разрешения которых требовался прежде всего такт. Дело уже разрослось необычайно. Работать без ежедневного личного общения с академиками, возглавлявшими экспедицию, стало невозможно. Не помогли ни мои ежесуточные рапорты, ни еженощные телефонные разговоры по прямому проводу Ленинград — Москва. Пришлось выехать в Москву. В Москве, в приютившейся под крылышком Комиссии содействия ученым конторе экспедиции, с утра до ночи шумели и волновались многочисленные сотрудники. Контора эта походила на штаб времен Гражданской войны. Так мы и называли ее — штабом. Папки с бумагами, карты, книги, образцы снаряжения загромождали коридор и комнаты, столы, диваны и стулья. Научные работники приезжали из Ленинграда и засиживались здесь до глубокой ночи. Ночью на полу расстился ковер, на ковре разворачивались спальные мешки, люди забирались в них, как на памирских высотах, и спали рядком до утра, а проснувшись на рассвете, вновь ожесточенно принимались за дело. Приходил альпинист, ведавший заготовкой высокогорного снаряжения, — сильный и здоровый человек, спокойный, энергичный, выдержанный, прекрасный товарищ. Он приносил с собой образцы. Тогда здесь начинались странные дела, которые очень удивили бы случайного посетителя, неподготовленного, постороннего зрителя: альпинист снимал с себя элегантный пиджак, стягивал свежевыутюженные брюки, облачался в штормовой зеленый костюм, в шакельтоны и начинал проделывать хитроумные махинации, скажем, с альпийской веревкой. Потом цеплялся ледорубом за карниз книжного шкафа и повисал на нем. Развитое, массивное тело альпиниста качалось на весу, и кто-нибудь из нас тянул его за ноги. Это называлось испытанием прочности ледоруба. На полу расставлялись палатки, и мы ползком забирались в низкую, так называемую «шустеровскую», сшитую из пропитанного специальным составом парашютного шелка, — надо было на себе испытать ее качества.

Однажды вечером явился Плавунец, в ту пору еще у нас работавший. Ему хотелось удостовериться в прекрасном впечатлении нашем от образцов альпийских ботинок, присланных накануне с фабрики. Он пришел в неудачный момент: двое здоровяков — альпинист и геолог, пробуя все наличные ножи и даже пилу, прилагая все свои силы, крихтя и посмеиваясь, силились разрезать пополам тяжелейший ботинок, с толстенной — в палец толщиною — подошвой. Плавунец ужаснулся такому святотатству: резать пополам великолепный новый ботинок! Но когда ботинок разлетелся, наконец, на две половины, когда альпинист и геолог мрачно переглянулись, обнаружив между слоями кожи пластину картона, Плавунец попытался возможно незаметнее удалиться. Он был настигнут жалом спокойных, но весьма язвительных замечаний. Подошве полагалось быть только из кожи. Ботинки «на взрез» оказались недоброкачественными. В следующей партии обуви никаких дефектов обнаружить уже не удалось. Однажды утром москвичи, проходившие по переулку мимо нашего штаба, столпились у ворот дома, во дворе которого раскинулся большой лагерь палаток. Москвичи удивлялись, а орава восхищенных мальчишек прыгала из палатки в палатку, воображая себя в джунглях неизвестной страны. Плавунец приносил банки с консервами, изготовленными для экспедиции, и целая комиссия собиралась дегустировать какую-нибудь банку иваси или сгущенного молока. Члены комиссии были неумолимы. Они браковали продукты без всякого зазрения совести, и Плавунец истощенным голосом клаялся и божился, уверяя, что продукты хороши и что сотрудники экспедиции не цацы, могут, мол, съесть и такие. Плавунец и слышать ничего не хотел об особенностях климата, о предстоящей многомесячной перевозке продуктов во вьюках и в кузовах автомашин — то под лучами жгучего солнца, то под покровом морозной ночи. А члены комиссии требовали, требовали, не теряя спокойствия, ровным, чуть обиженным тоном. Плавунец никогда не бывал в экспедициях, о многом имел неверное представление. Именно поэтому нам и пришлось с ним расстаться.

Как я уже сказал, в нашем штабе работа начиналась с рассвета. Раззванивался телефон, столы заваливались бумагами, толпами осаждали штаб посетители. Нечто вроде летучего клуба бывало в передней, где стоял широкий диван. Здесь, в табачном дыму, возникали иной раз дискуссии по сложнейшим теоретическим научным вопросам. Приходили: профессор-геолог, сейсмолог, этнограф и... страницы не хватало бы, чтоб перечислить научные специальности всех бывавших здесь ученых; студенты, альпинисты, сапожных дел мастер, военный топограф, охотник, предлагавший себя в зимовщики, шофер (они являлись обычно толпою), кооператор, лошадиник — специалист по горным породам лошадей, радист, врач со списком заказанных в лучшей аптеке лекарств, портной,

председатель треста и все варианты хозяйственников, репортер, нарком Таджикской Республики, академик, агент треста точной механики, бухгалтер, пограничник, шуганец — студент Восточного факультета, летчик, взволнованный и разгоряченный аспирант-гляциолог, хладнокровный пожарник, фотограф, свободный художник, шахтер, энтомолог-любитель, статистик и многие, многие другие...

Иногда они приходили порознь, поодиночке. Чаще они вваливались все вместе. Тогда в гуле голосов слышались термины из всех научных и технических словарей сразу. Тогда приносимые образцы, портфели, покупки загромождали входы и выходы и приходилось ходить по комнатам, как по моренам, — перепрыгивая через препятствия. В этой обстановке нам предоставлялось право продуктивно и спокойно работать... переговоры с каждым из пришедших, дав ему совет, указание, расспросив о подробностях дела, узнав самую его суть. Мы работали. Мы разговаривали с посетителями об изотермических вагонах, о звездных хронометрах, о восстановлении разрушенных мостов на реке Мук-су, о тысяче лошадей, закупаемых на Тянь-Шане, о тысяче других полезных и нужных вещей. Вот входит геолог и предлагает новую идею: на всех реках Памира поставить крупные работы по промывке золота — всюду, где его можно предполагать, а предполагать его можно всюду, потому что памирцы намывали золото в своих реках со времен глубочайшей древности и золотоносность памирских рек была известна еще Плинию. Геолог предлагает собрать местных жителей — ведь все они опыты в этом деле, расставить их в намеченных пунктах, дать каждой группе по одному специалисту и тут же, на самом Памире, установить походные лаборатории, чтобы сразу же делать количественные и качественные анализы. Тогда будет полное представление о всех месторождениях золота на Памире. Геолог говорит долго и убежденно, доказывает, увлекается сам. Все сразу загораются этой идеей, подходят к шкафам, роются в книгах, перелистывают их, обсуждают детали. Вот гляциологи рассказывают, как они будут строить на леднике Федченко высочайшую в мире обсерваторию. Идея великолепна, но почти фантастична: можно ли втащить на высоту почти в четыре с половиной километра над уровнем моря, по леднику, сотни тонн груза?

Вот А. Е. Ферсман... Но у Александра Евгеньевича идеи рождались пачками, и мы шутя называли его «фабрикой идей». Кроме Москвы и Ленинграда, дело организации экспедиции творилось еще во многих городах Союза. В Баку, в Одессе, в Керчи, в Таганроге, в Куйбышеве (который тогда еще назывался Самарой) с фабрик, с заводов, с промыслов к вокзалам подъезжали автомашины. Грузились вагоны консервами, рыбой, копченостями, сапогами, — кто запомнит, чем еще? Вагоны шли в Москву или напрямик в Среднюю Азию.

В Средней Азии

А в Средней Азии работа кипела во многих местах. В селении Кочкорка, недалеко от Фрунзе, в пределах Тянь-Шаня, заведующий хозяйственной частью Леонид Маслов, участник нескольких экспедиций на Памир, всю свою жизнь проскитавшийся по среднеазиатским степям и горам, закупал лошадей киргизской горной породы. Не десятки, не сотни — лошадей нужна была тысяча, отборных, здоровых, выносливых. Им предстояло пройти больше пятисот километров по горам до города Оша, где мы должны были распределить их по отрядам. Вторую партию лошадей Маслов отправлял в вагонах до Сталинабада. Я забрасывал Маслова тревожными телеграммами: «Нам ничего не известно о лошадях. Сколько их? Сколько за них уплачено? Отправлены ли они в Ош самоходом? По какому маршруту? С каким сопровождением? Когда? Организована ли их охрана? Когда будут в Оше? Какое нужно содействие? Нужно ли распоряжение о предоставлении вагонов Турксибом?». И Маслов в ответ слал «молнии»: «Лошадей отправляю 247 зпт отряд семь человек зпт погонщиков двенадцать остаюсь дополучать маслов». «Выступили нарына следуют курорт через перевал конвой добротряд сам остаюсь дополучать лошадей маслов». Однажды пришла «молния» странного содержания: «Сообщаю сотрудник маслов номер 9 лошадей принимаю сам маслов». Перед тем мы запрашивали номер контокоррентного счета Маслова, для того чтоб перевести ему сорок тысяч рублей. Но был у завхоза Леонида Маслова старший рабочий Егор Маслов — мой старый знакомый по прошлым экспедициям на Памир, которого я пригласил на должность повара в ту экспедиционную группу, которую должен был вести на Памир сам. Этот Егор Маслов был опытейшим экспедиционным рабочим. Тринадцать лет подряд участвуя в различных научных экспедициях, ездил он по Памиру, Тянь-Шаню, Монголии и Кашгарии. Бывал во всяческих переделках, знал несколько восточных языков, был подлинным знатоком лошадей. Жил он в городе Караколе, недалеко от Кочкорки и Фрунзе, и потому я временно назначил его помощником к Леониду Маслову. Мы перевели на контокоррентный счет № 9 сорок тысяч рублей, но у меня тут же возникло сомнение в правильности телеграммы. Мы несколько раз проверяли ее, однако почта неизменно уверял нас, что наши сомнения напрасны. Через неделю пришло письмо от Леонида Маслова с извещением о том, что в телеграмме вместо слова «номер» должно быть «помер» и что Егор Маслов умер девятого числа, схватив воспаление легких после падения

с автомобиля в холодную горную реку. Мне было искренне жаль Егора Маслова, он был прекрасным работником, верным товарищем, честным и хорошим человеком и совершенно неутомимым спутником в самых тяжелых странствиях по горам...

Огромная работа велась в Оше и в Сталинабаде. Здесь создавались основные, как их называли, исходные, базы экспедиции. Маленький город Ош Киргизской Республики, как и во всех прежних экспедициях на Памир, был пунктом, где нанимались караваны, — здесь были кадры проверенных длительными путешествиями караванщиков; сюда к 1932 году была проведена железная дорога от станции Карасу, и потому естественно было основную базу для отрядов, отправляющихся на Памир, создать, по примеру прошлых лет, именно здесь. Маленький дом ошского агронома Кузмы Яковлевича Жерденко, на берегу реки Ак-Бура, по традиции был пунктом сбора всех сотрудников памирских экспедиций. В саду и на просторном дворе устанавливались палатки. Кладовая и кухня дома заполнялись экспедиционными грузами, — на этот раз грузов, однако, было столько, что они заняли огромную территорию вдоль всего берега реки Ак-Бура. Дом, сад и двор Жерденко были превращены в территорию стройки огромной базы. Здесь к приезду отрядов должны были вырасти склады, столовая, контора, гараж, общежитие, конюшня, пекарня и мясосушилка. Жерденко, приглашенный в состав экспедиции на должность заведующего ошской базой, получил распоряжение построить все за месяц. В Сталинабаде опорного пункта не было. Через Сталинабад должна была пройти почти половина отрядов южного и центрально-таджикостанского направления. Для организации базы был арендован дом Тропического института, один из немногих крупных домов быстро строящейся молодой таджикской столицы. Сюда заведующим сталинабадской базой экспедиции был направлен ее парторг — человек твердого характера, энергичный, прекрасный организатор. Он быстро создал базу и потом все лето планировал работу экспедиционных отрядов, выступивших в долины и горы из Сталинабада. К началу полевой работы была создана и третья исходная база, в городе Пенджикенте — для отрядов, направлявшихся в Кухистан — в верховья Зеравшана, на Ягноб, в ущелья Туркестанского, Гиссарского и Зеравшанского хребтов. Здесь вся организационная работа была поручена местному гидрометеорологическому комитету. Кроме этих исходных баз, было организовано множество полевых баз в горных кишлаках, на пограничных заставах, а иногда и просто в безлюдных местах у пастбищных площадок и у берегов рек. Сюда заблаговременно забрасывались мука, фураж, рис и другие тяжелые грузы. К маю важнейшая часть всей организационной работы в Москве и на базах была закончена.

Последний месяц...

В специальном постановлении Совнаркома СССР о Таджикской комплексной экспедиции, признававшем за экспедицией всесоюзное значение и устанавливавшим основные направления ее работы, был пункт, которым Управление автомобильной промышленности обязывалось выделить экспедиции шесть полутонных автомашин. Мысли об автомобильном транспорте мучили нас перед тем долгое время. Можно или нет организовать на Памире автомобильные перевозки? Единственный автомобильный тракт Ош–Хорог еще только начинал строиться. Некоторые специалисты утверждали, что попытка пустить на Памир — на высокогорный Памир — автомобили в лучшем случае легкомысленна; что все машины, бесспорно, будут погублены и вообще не дойдут до Памира, потому что разве мыслимо одолеть огромные памирские перевалы, бешеные памирские реки, узкие каменные ущелья и многие другие препятствия? Первое время руководство экспедиции колебалось. Геолог Юдин и я были, однако, яркими сторонниками участия в экспедиции автомобильного транспорта. У нас были веские основания. В 1931 году мы вышли из Оша на Памир вместе с караваном Памирского погранотряда, которому тогда предстояло поставить на Памире заставы там, где их прежде не было, и закрыть государственную границу. Начальник Памирского погранотряда, приняв поданную нами идею, рискнул взять на Памир две грузовые автомашины. Решили, что они пойдут самоходом до тех пор, пока неодолимые препятствия не заставят разобрать машины и погрузить их на верблюдов. Превосходные водители Гончаров и Стасевич — рядовые андижанские шоферы — сговорились между собой, что ни при каких обстоятельствах не допустят разборки машин. Автомобили шли впереди каравана и дожидались его на ночлегах. Препятствий было великое множество, и об этом походе дальше, в этой книге, я расскажу подробнее. 14 июля 1931 года обе машины в целостности и исправности самоходом пришли в Мургаб — впервые в истории Памира. Я присутствовал при великолепной, торжественной встрече, которая была организована населением Восточного Памира. Оба автомобиля остались здесь и успешно работали на Памире все лето и осень до закрытия перевалов. Об этом мало кто знал. Газеты сообщили об этом в кратких заметках. А дело это было огромной важности. Юдин и я наблюдали весь поход тех двух машин, в отдельных местах сами ока-

зывались их пассажирами и потому были убеждены в том, что и в наступившем году автомобили нашей экспедиции будут работать не хуже. Нам удалось настоять на своем, хлопоты, как и следовало ожидать, увенчались успехом. Мы получили с Горьковского завода шесть новеньких полутонных машин с запасными частями, с солидными нарядами на горючее. Лучшие автомобилисты Москвы добивались чести стать водителями этих машин. К середине мая отряды экспедиции один за другим двинулись из Москвы.

В окончательном плане работ значилось семьдесят два отряда, в которых оказалось двести девяносто семь научных работников, триста пятьдесят караванщиков и постоянных рабочих, до четырехсот временных местных рабочих. Задачи экспедиции определялись краткой формулировкой: «изучение производительных сил Таджикистана в целях наилучшего использования их во втором пятилетнем плане социалистического строительства». Вся работа экспедиции должна была опираться на хорошие топографические карты. А на Памире было еще много белых пятен. Ликвидировать их, составить точнейшие карты предстояло четырнадцати отрядам, возглавляемым видным топографом И. Г. Дорофеевым, которому в Памирской экспедиции 1928 года удалось хорошо исследовать бассейн ледника Федченко и сделать подробную карту этого бассейна, применив вместе с немецкими участниками той экспедиции впервые в СССР метод стереофотограмметрической съемки.

Идея комплексного, всестороннего изучения страны, как показало будущее, нашла самый живой, самый горячий отклик не только в учреждениях и общественных организациях Таджикской Республики, но и среди дехканства, среди жителей самых затерянных, самых глухих горных кишлаков. Где-либо на самой границе Афганистана, в каком-нибудь еще не обозначенном на картах кишлаке, жители, вчера еще не знавшие, что такое оконное стекло, поклонявшиеся «живому богу» исмаилитской религии, собирались толпами вокруг сотрудников экспедиции, едва те появлялись там, слушали лекции профессоров о полезных ископаемых, о кормах, о будущих гидроэлектростанциях. И после такой лекции горные пастухи, садоводы и землепашцы организовывали при сельсоветах ячейки содействия экспедиции, несли в сельсоветы образчики горных пород, редких высокогорных растений... Такое отношение местного населения к экспедиции было результатом огромной разъяснительной работы местных партийных и комсомольских организаций. К концу мая почти все отряды прибыли в Ош, в Сталинабад, в Пенджикент. В июне они приступили к полевой работе.

В Сталинабаде

18 мая 1932 года в автомобиле, мчавшемся полным ходом к Казанскому вокзалу, я еще диктовал Ольге Александровне Крауш, остававшейся вместо меня в Москве, все, что поручалось теперь другим. А Ольга Александровна, прощаясь, заботливо сунула мне в руку листок, на котором был записан ею мой ташкентский хорошо известный мне адрес. Она была права: как и все мы, я так переутомился, что даже мой собственный адрес мог забыть. Я ехал в Ташкент, откуда мне предстояло вылететь в Сталинабад, чтоб сделать доклад таджикскому правительству. Оттуда я должен был вернуться в Ош и, отправив на Памир все отряды, выехать с последним из них сам. С моим отъездом в Ташкент экспедиция для меня началась. И она действительно уже началась.

Англичане, создавая первую экспедицию на Чомолунгму (Эверест), готовились к ней ровно три года, но хорошо организовать ее не сумели. Подготовка бесконечно большей по объему работ Таджикской комплексной экспедиции продолжалась ровно пять месяцев. Благодаря вниманию к ней правительства и энергии ее научного руководства организована она была превосходно.

Летим в Сталинабад. Через полтора часа пути, после посадки в Самарканде, потянул резкий, холодный ветер от вечных снегов. Мы вплотную приближались к острозубому, сверкающему снежными склонами Иллик-Башу. Через четыре минуты нетающие снега оказались внизу, а перед нами, в упор — ледяная стена, и еще через минуту спиралью, обжимаемые шершавыми, отвесными скалами, мы тянемся вверх, как дым в трубе, — к свободному воздуху. Нам не хватает высоты, и об этом, отскочив от скал, будто сотней ревущих моторов, угрожающе гремит эхо... Нам не хватает высоты, и целые три минуты мы кажемся себе маленькими. А потом небо скатывается вниз, все плоскости перемешиваются, как в кино, когда обрывается лента, и, высунув голову из окна кабины, я вижу поползший вниз серебряный склон. Это значит: мы начали переваливать. Дует очень резкий, морозный ветер. Еще две минуты под очень крутым углом наш «Л-741» карабкается на перевал, потом сразу Иллик-Баш обрывается отвесной, дикой, скалистой грядой, под нами долина знойного Ширабада, нас качает, и мы ложимся на прямой курс, наперерез горам, на Сталинабад. Через час полета над зубцами хребтов, выключив все три мотора, мы идем на посадку. Поле красных маков встает дыбом, но вот колеса уже бегут по земле и маки сливаются в красное полотнище.

Сталинабад... Сколько раз я бывал в этом городе, и всегда все в нем по-новому. Ни улиц старых не узнаю, ни целых кварталов. Новые дома, сады, проспекты. Там, где в тридцатом году я проезжал верхом, видно двухэтажное белое здание. Там, где в тридцать первом году я спал в чайхане, сейчас проходит автобус. Вот только жара в нем всегда неизменная. Впрочем, и она через несколько лет, когда подрастут насаженные повсюду деревья, станет, конечно, не так ощутима. В тридцатом году я сам, как и все приезжавшие в Сталинабад — город, только что получивший свое новое гордое название, — посадил несколько деревьев. Я их не искал сейчас, но не сомневаюсь — они растут. Автомобиль мчится по городу весь в клубах лессовой пыли. Здесь будут улицы, залитые асфальтом, здесь вдоль улиц будут аллеи тенистых деревьев, здесь пустыри исчезнут, а вместо них сомкнутся ряды красивых домов... Сейчас год 1932-й. Столица Таджикистана вся в стройке, вся в будущем, но уже и сейчас она приобрела очертания большого города. Меня везут в дом отдыха, что устроен в Варзобском ущелье, в старинном кишлаке Варзоб-кала. Там мне предстоит встретиться со всеми людьми, с которыми надо беседовать об экспедиции. Миновав город, едем дальше по сузившейся, подступающей к горлу ущелья автомобильной дороге. Это начало нового автомобильного тракта, который, прорезав два огромных хребта — Гиссарский и Зеравшанский, выйдет напрямую к Ура-Тюбе и далее, через Урсатьевскую, к Ташкенту. Вместо тысячи двухсот километров — всего двести восемьдесят. Вместо двух суток пути по железной дороге, огибающей эти горы, всего лишь день автомобильного путешествия. Дорога проложена только на сорок километров, и чем дальше она врезается в горы, тем больше тонн аммонала и динамита нужно на каждый новый километр. Холмы вырастают в горы, река уже бурлит по камням, мы едем ущельем. Неожиданно слева от дороги — огромный лагерь палаток, мешанина вагонеток, машин, инструментов, железного лома, а через реку — висячий на тросах мост.

Это все — Варзобстрой, строительство Варзобской гидроэлектрической станции, которая будет питать ток город Сталинабад. Белые дома, кооператив, клуб, почта, столовая, красные плакаты на въездной и выездной арках поселка, оживленные люди. Три года назад ущелье в этом месте было первобытным и диким. Навстречу машине идут рабочие, едут путники на ослах. Над нами скалистые стены ущелья, и каменная узкая дорога петлит над громыхающею рекой. И вот — мост. Древний мост из ветвей и качающихся под пешеходом бревен. Мост, по которому только в поводу можно перевести осторожную лошадь. Выхожу из машины, вступаю на мост. Несколько красноармейцев сидят под деревом в группе дехкан — взрослых и детей: импровизированный урок грамоты. У дехкан в руках букварь; красноармейцы терпеливо исправляют ошибки. Дехкане — в халатах, в обуви из козлиных шкур. За мостом срываю с деревьев сладкие ягоды тута, прыгаю через ручьи, пересекаю маленький горный кишлак, такой же, как все горные таджикские кишлаки. Здесь — покой, особенный, безмятежный. Навстречу поднимаются белобородые, словно сошедшие со страниц Библии, старики. Здороваются, прикладывая ладони к груди, подходят, жмут руку, разговаривают просто, будто с соседом по дому. Старинный кишлак Варзоб-кала — древняя крепость. Оазис гигантских платанов среди скал и журчащих ручьев. Небольшая ограда; над калиткой полощется красный флаг; под платанами ровная, как бы вытоженная площадка, на ней наискось — шесть больших палаток, за пологими видны железные кровати, — это дом отдыха, в котором меня встречает таджик, коренастый и крепкий, темнолицый, приветливый, в защитных армейских галифе и гимнастерке. Он заведует домом отдыха. Площадку омывает бурливая речка Оби-Замчируд, глубоко прорезавшая это ущелье. Над речкой большой камень, плоский, черный камень, на нем ковры, одеяла и подушки. На коврах и подушках — работники Таджикской республики, русские и таджики, все в белом — летом в городе жарко. Многие деловые встречи происходят здесь. После обеда — разговор о делах. Обсуждается план работ экспедиции, это, так сказать, предварительное обсуждение. Официальный доклад будет в Сталинабаде. Речь заходит о месторождениях полезных ископаемых. Один из сидящих рядом дехкан вмешивается в беседу. Выясняется, что он любит камни, что он многое знает, что дома у него в соседнем кишлаке есть какие-то образцы.

— Товарищ Абдукагор, — обращается к нему мой сосед, — вы, значит, местный геолог? Абдукагор не знает, что значит слово «геолог», но охотно рассказывает все, что ему известно. И я с его слов записываю сведения о старых копях в пяти километрах от кишлака Гаджни, о следах древних разработок в Такобе¹, и в кишлаке Демаян, и в Куй-Тепе, что расположено в четырех километрах выше кишлака Бега, и о какой-то обнаруженной при постройке дороги двадцатиметровой жиле против кишлака Бега... Это все надо выяснить. Может быть, и действительно, распросные сведения помогут нашим геологам отыскать таинные горами полезные ископаемые? В районе Варзоба будет рабо-

¹ Теперь на этом месте работает один из гигантов таджикской индустрии — Такобский комбинат, вступивший в строй в 1948 г.

тать геохимическая партия Поляковой. Надо ей сообщить. Абдукагор берется проводить «инженера» к указанным им месторождениям.

Мы идем осматривать ближайший кишлак. Кругом острозубые, скалистые горы. Со всех сторон дикие горы. Я в самом сердце страны, в еще не обжитой глуши, и кажется, брожу по горам уже долгие месяцы. Неужели сегодня, еще только сегодня, я был в Ташкенте? В огромном культурном центре, где ходят трамваи, где советские учреждения ничем не отличаются от московских, где три четверти жителей не представляют себе таких, как эти, диких, скалистых гор? Какой длинный сегодня день! Вечером меня зовут к дастархану. Под платанами, на площадке, огромный ковер. По краям — одеяла, между одеялами скатерть, уставленная фруктами, мясными блюдами, салатами. Мы пьем и едим, отрываясь только для тостов. У края ковра располагаются музыканты — дехкане, и один из них, брэнча на дуторе, поет песню, часть которой можно перевести вот так:

Узнай мою родину, —
 Она на истоках самого Бадахшана.
 Между розовых скал
 Бьется чистый ручей.
 Узнай мою родину, —
 В ней солнце скрывается рано.
 В ней за целую ночь не устал
 Петь о легкой любви соловей.
 Узнай мою родину, —
 Здесь, под тенью платана,
 Я сегодня слышал
 Разговор об отчизне моей.
 Узнай мою родину, —
 Я и сам никогда не устану
 Петь о том, чем он стал, —
 Бадахшан без богов и царей...

Певец трясет головой и качается. Он сидит, широко раздвинув колени. Песня его нескончаема. Он оставляет дутор и объясняет, смеясь:

— Это начало. В три дня можно кончить. Если ты решишься слушать, то к восходу солнца я могу кончить.

— А музыка чья? — улыбаясь, я спрашиваю его.

Он смотрит на меня веселыми глазами и молчит.

— Его, это его музыка! — говорит за него мой сосед.

Имя певца — Алим. Усто Алим, что значит «мастер Алим».

— Его профессия?

— Он блюдо делает. Понимаете? Деревянное блюдо.

Я хочу посмотреть на изделия его рук. Прошу его принести образцы. Старик поднимается и уходит.

— Почему же сейчас? Почему не потом?

— Ему завтра надо рано идти на пастбище.

Два других музыканта поют и играют «Гороулы» — «Сын гроба», «Оля миор» — «Мир — его друг» и другие длинные песни. В песне встречается слово «бог». Мы говорим о боге. Музыкант перечисляет его имена: рахим — милосердный, рахман — милостивый, джалиль — сверкающий, каллог — создатель, раззог — всепитающий... Музыкант неожиданно прерывает перечисление:

— Вот скажу: бог слышит, но ушей не имеет; видит, но глаз не имеет; кушает, но рта не имеет; дышит, но сердца не имеет; думает, но головы не имеет... это последнее правильно!

Общий смех, и мы продолжаем чаепитие.

Сталинабад. Здесь создается Таджикская база Академии наук СССР. Председатель базы академик С. Ф. Ольденбург. Заведующий геологическим сектором — Г. Л. Юдин, ботаническим — Б. А. Федченко. Белый одноэтажный дом. В нем сейчас организационный хаос. Груды ящиков, мешки, книги. Все еще не устроено. Между ящиками, раздвинув их, уместились кровати — сотрудники базы еще не наладили свою жизнь. База и экспедиция находятся в тесном взаимодействии и в меру сил помогают друг другу. Больше того, база Академии наук не могла бы быть создана, если б не опиралась на работы сотрудников экспедиции. А недостроенный дом Тропического института, в котором поместились уходящие в «поле» отряды экспедиции, пребывает в еще более взъерошенном

виде. Нештукатуренный, весь в дранке, с незастекленными окнами, этот двухэтажный дом, однако, уже заполнен людьми и всяческими припасами. В нем обитают энергетики, этнографы, геохимики. На пустыре перед домом пылают костры, на кострах чернеют казаны, в них булькает и пенится суп. Дальше на коновязи стоят лошади, приводимые с пастбища. Они худы, тощи после железнодорожного путешествия из Фрунзе, их надо откармливать. Между базой экспедиции и базой Академии наук белеет общежитие таджикского правительства. Это третий угол треугольника, составленного маршрутами, по которым с утра до вечера носится предоставленная мне автомашина. В Сталинабаде побывал академик А. Е. Ферсман. Ему показали образец руды, только что найденной таджиком-деханом в верховьях Харангона. Ферсман дал определение образцу, направил на Харангон научных сотрудников.

Список называемых дехканами месторождений все увеличивается. В Бальджуане, в горах Каль-а-ги называют несколько месторождений металлов. Неподалеку от Варзоба называют ценный минерал. Каждый день указания умножаются. Обо всем этом надо подумать, это все надо проверить.

И вот, наконец, официальные доклады об экспедиции в Совнарком и на пленуме Сталинабадского горсовета. Выслушать и обсудить доклады собралось больше двух тысяч дехкан из окрестных селений. В постановлении пленума — горячие приветствия экспедиции и множество пунктов, обещающих нам всяческое содействие. Прямо с пленума колхозники уносят в дальние горные кишлаки весть о том, что без них, без широких народных масс, никакое научное знание не может проникнуть в толщу древних загадочных гор. Период торжественных встреч и торжественных взаимных обещаний кончился. Надо немедленно приступить к исполнению обещаний. Спешу в Ош.

В Оше

Здесь уже почти все готово. Целый город вырос на территории ошской базы. Многие десятки палаток, заняв весь двор, спустились на берег реки Ак-Бура, заполнили его на полкилометра вширь. Сотни людей хлопочут, напряженно работают, волнуются в этом городе. Каждый день прибывают все новые люди, все новые грузы. Кроме всех других задач, на организаторах экспедиции лежит еще одна большая задача — обезопасить полевую научную работу от всяких случайностей. Многим отрядам предстоит заниматься исследованиями вдоль самой границы с Кашгарией и Афганистаном. Памир сам по себе совершенно мирен и тих. Времена басмачества кончились. Никаких басмаческих банд в наших пределах нет и не предвидится. Но никто не может гарантировать, что не будет вражеских наскоков из-за границы. Мирная работа нашей экспедиции, как всякая работа, связанная с интересами социалистического строительства, неминуемо должна вызывать злобу и ненависть классовых врагов, зарубежных империалистов. Нам следует быть начеку. Поэтому для охраны экспедиции даются несколько взводов пограничников, а сама экспедиция военизируется: все сотрудники получают оружие. В ошской базе под руководством командиров Красной Армии проводятся учения. В лагере соблюдается воинская дисциплина. Установлены постоянные ночные дежурства. Однажды утром, в середине июня, телефон сообщает о прибытии в Ош нашей автоколонны. Весть облетает палатки, люди спешат из палаток на улицу, нетерпеливо расхаживают по аллее гигантских тополей. Вдали, между тополями, показывается облако пыли.

— Идут!.. Идут!..

Автоколонна быстро к нам приближается. Все шесть автомобилей движутся плавно, как эскадра, один за другим, с равными интервалами. На первой машине развевается большой красный флаг. С протяжным, торжественным ревом сигналов эскадра автомобилей подходит к нам полным ходом; соблюдая те же интервалы, замедляет ход, разворачивается и стопорит, тщательно выровнявшись по фронту. Гудки смолкают разом, и встречающие, не сговариваясь, кричат: «Ура!». На кузове каждой машины внутри большого белого круга крупными буквами сверкает обозначение: «ТКЭ» и стоит порядковый номер. Из машины № 1 выходит в элегантном белом костюме начальник автоколонны Г. Н. Соколов, в далеком прошлом летчик, в недавнем — участник Памирской экспедиции 1928 года, ловец диких зверей, отправлявший их в Зоологический сад Москвы. Все водители выстраиваются, каждый перед своей машиной. Каждый — в синей, новенькой, с иголки, тщательно выутюженной спецовке. Г. Н. Соколов берет под козырек и отчетливо рапортует о прибытии автоколонны ТКЭ из Москвы. Только сегодня утром машины выгрузились с железнодорожных платформ. Ошские жители толпятся вокруг, с любопытством разглядывая новенькие, безукоризненно чистые машины и удивляясь этому неожиданному парадному шоу. Ошские шоферы — водители старых, тархтящих «гробов», грязные, как и их машины, сбегались сюда и обсуждают происшествие с деланной насмешливостью и плохо скрываемой завистью:

— Гляди, какие приехали! Фасон развели: москвичи!.. По асфальтам привыкли кататься!.. А только посмотрим на их физиономии примерно через неделю... Все машины погробят, все под обрывами будут валяться. Тогда увидим, какой у них парад будет. Это им не Москва!

Ошские шоферы не знают, что автоколонну ТКЭ организовал московский совет Автодора; что водители выбраны из лучших московских шоферов; что чести завоевать автомобилем Памир добились в Москве многие гончики и инженеры-автомобилисты. И мрачным предсказаниям ошских водителей, как показало будущее, не суждено было оправдаться: все шесть машин работали на Памире превосходно, ни одна не имела значительных аварий, две машины осенью совершили поход Памир — Москва.

Первые отряды, снарядив караваны, уходят. Тем временем грузы продолжают прибывать и не хватает еще только плащей, брезентов и выючных ящиков. Это «только» — очень существенное: в Алае идут проливные дожди. Как спасти от них сахар, фотопластинки и все, что боится сырости и воды? Выючные ящики, которые есть в Оше, приходится распределять между уходящими отрядами с большим выбором. Ошский телеграф перегружен «молниями» и срочными телеграммами экспедиции. Наконец прибывают и ящики, и плащи, и брезенты. Караваны на Памир уходят один за другим, каждая группа сотрудников получает верховых и выючных лошадей, и, конечно, споров, обид, недовольств среди любителей лошадей много.

Часть геологов уезжает к Заалайскому хребту на автомашинах. К концу июня ошская база пустеет: здесь остаются два-три последних отряда да огромный караван центральной группы с небольшим количеством сотрудников. В этом караване — все дефицитные продукты, специальное, особо высокогорное альпинистское снаряжение, оружие, запасы патронов, точные приборы, которые нужно будет раздать отрядам на самом Памире. С караваном центральной группы идут шесть фототеодолитных отрядов и лазуритовый отряд, направляющийся на Южный Памир к месторождению ляпис-лазури, открытому Юдиным, Хабаковым и автором этих строк в 1930 году. В составе центральной группы — ботаники, зоологи, фотограф В. Лебедев, художники П. Старонос и Н. Котов и три геолога. Задача центральной группы, помимо собственных исследований в пути, инспектировать работу всех отрядов экспедиции на местах. Поэтому маршрут центральной группы самый извилистый и протяженный. Все перечисленные отряды и центральная группа выходят на Памир одной огромной колонной. Она называется центральной объединенной колонной. Начальником этой колонны назначен я. Это назначение, чреватое хлопотами и множеством новых бессонных ночей, не доставляет мне удовольствия. Но что поделать? Принимаю его без возражений в надежде, что на самом Памире мне удастся заняться и собственными географическими исследованиями, о которых все эти месяцы я мечтал, а также сбором этнографических коллекций для Музея этнографии. Мы выступили в путь 29 июня. Наш караван состоял из ста шестидесяти выючных лошадей и тридцати всадников. Наш путь пролегал через знакомые мне по прежним странствиям Гульчу, Суфи-Курган, Алайскую долину и Заалайский хребет — к Мургабу. В Суфи-Кургане в состав колонны включился кавалерийский взвод пограничников под командой И. Н. Мутерко, с которым у меня сразу же установились самые приятельские отношения. Подо мной был добрый киргизский конь. И когда я оказался в седле, до предела измотанный полугодовой организационной работой, я впервые за многие месяцы легко вздохнул.

Прародитель будущей академии

Я не ставлю своей задачей описать все работы Таджикско-Памирской экспедиции за шесть лет ее существования. Научные результаты работ ТПЭ изложены в «Трудах экспедиции», составляющих целую библиотеку, в которой больше сотни томов. Коротко изложу самое главное. Только в 1932 году за шесть месяцев полевых работ — от открытия до закрытия перевалов — экспедиция, если вытянуть в ниточку все маршруты, прошла сто тысяч километров пути и исследовала на территории Таджикистана площадь в сто тысяч квадратных километров. Места, еще за несколько лет перед тем не нанесенные на карты, никем не изученные, оказались центрами оживленной деятельности. Легендарные, считавшиеся недоступными перевалы, ледники, такие грандиозные ледопады, как Кашал-аяк, стали торными дорогами научных работников. Не все белые пятна были раскрыты экспедициями предшествовавших лет. Районов, никогда прежде не посещенных исследователями, оказалось еще достаточно. На Северо-Западном Памире, к западу от пика Гармо, сплелись в запутанный узел Заалайский хребет, хребет Петра Первого, меридиональный хребет Академии наук и ответвляющийся от него Дарвазский хребет. Средоточием этого узла, там, где сходятся хребты Академии наук и Петра Первого, оказалась исполинская, необычайной высоты вершина. В 1928 году эту вершину издали сочли пиком Гармо. В 1932 году обнаружилось, что тогда двумя группами экспедиции за пик Гармо были ошибочно приняты две разные вершины, что под-

линный пик Гармо (названный перед тем пиком Дарваз) имеет высоту всего 6 615 метров. А к этой венчающей памирские выси вершине никому еще подойти близко не удавалось. Ее высота была определена в 7 495 метров. Этой высочайшей в Советском Союзе вершине дано было название — пик Сталина. Результаты всех работ экспедиции за 1932 год были огромны. Были изучены флора и фауна республики, определены и подсчитаны кормовые и топливные запасы, гидроэнергетические ресурсы рек, выяснены перспективы освоения неорошенных земель, собраны значительные материалы по этнографии. И самые важные результаты были достигнуты в области геологии и геохимии.

Изучая горообразующие процессы, ученые установили, что возникновение многих памирских гор связано с явлениями вулканизма, что существует зависимость между этими явлениями и образованием многочисленных, найденных экспедицией рудных месторождений. И если раньше в геологии господствовала теория о «нищете» горных недр Средней Азии, об ее «металлической» бесперспективности (эта теория была создана еще до революции иностранцами), то теперь на основании блестящих открытий, сделанных экспедицией, была выдвинута, развита и доказана новая, советская теория, открывавшая исключительные перспективы для использования рудоносности гор, и не только Таджикистана, а именно всей Средней Азии. В частности, были определены практические возможности промышленного развития Таджикистана, превращения его в страну с богатой, развитой индустрией. Огромные теоретические и практические знания, приобретенные в 1932 году, требовали детализации и углубления дальнейшей работы. Поэтому сразу двинулась, оказалась насыщенной и целеустремленной работа созданной в Сталинабаде в том же году Таджикской базы Академии наук СССР — зародыша будущей, собственной республиканской Академии наук. Важнейшими секторами базы стали геологический и ботанический. И потому же экспедицию в тех же масштабах решено было продолжить в следующем году.

Весною 1933 года в Ленинграде в Академии наук СССР состоялась конференция по изучению производительных сил Таджикистана. В конференции участвовало несколько сот человек — виднейшие ученые, научно-исследовательские работники, сотрудники экспедиции 1932 года и предстоявшей экспедиции 1933 года. На основе добытых исследователями и обсужденных на конференции научных материалов советским правительством было определено направление всей дальнейшей практической народнохозяйственной деятельности в Таджикистане. Во всем Советском Союзе в том году вступала в действие вторая пятилетка. В Таджикистане, как и везде, она была прочно обоснована последними данными советской науки. Весной 1933 года вся экспедиционная громада снова двинулась из исходных баз на Памир, в Каратегин и Дарваз, на Вахш и на север республики — во все горы и все долины стремительно развивавшегося Таджикистана. Население этих гор и долин, в том году уже почти всюду, кроме Памира, объединившееся в колхозы, по-прежнему не только приветливо встречало сотрудников экспедиции, оказывало им содействие и помощь, но и само повсюду включалось в работу экспедиционных отрядов.

Так зарождались кадры местных экспедиционных работников-таджиков. Многие из них впоследствии окончили специальные учебные заведения, стали научными работниками, молодыми учеными. В этот и в следующие годы на основе работ ТПЭ и благодаря энергичной инициативе ученых, принимавших в ней участие, в Таджикистане начали развиваться и умножаться стационарные научные учреждения, превратившиеся впоследствии в многочисленные научные и научно-исследовательские институты. Большинство их позже вошло в комплекс, объединяемый сначала базой, потом, с 1940 года, Таджикским филиалом Академии наук СССР и, наконец, созданной в Сталинабаде в 1951 году Академией наук Таджикской ССР. Прародителем ее была ТКЭ. Вот почему я решил рассказать читателю об истории организации этой замечательной экспедиции. И теперь я могу вернуться к 1930 году, когда вся наша маленькая геологическая экспедиция состояла только из трех ленинградцев да фрунзенского рабочего Егора Маслова и повара-узбека Османа.

Источник: «Путешествия по Памиру». Павел Лукницкий. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1955 г.

<https://silkad.v.com/ru/node/3906>